

Старейший актер-горьковчанин

К 60-летию М. И. Зорина

Однажды, совершенно случайно, я застал его за таким занятием. Он стоял среди своей комнаты, смотрел на письменный стол и время от времени, делая какие-то жесты, указательным пальцем безуспешно пытался подсечь что-то в воздухе. Перед ним, на столе, лежали крючочки, блесенки, маленькая проводочная катушка и капроновые лески. Иногда, казалось, он и в самом деле что-то подсекал, — вывернув руку, он ставил ее в такое положение, как будто держал напряженное, изогнутое удилице и с тихим, но радостным и неподдельным криком: «Ага!» — тянул воображаемую рыбу.

Неожиданное и внезапное мое появление — у него в доме был ремонт и все двери открыты — несколько его обескуражило, — маленький, худенький, с вечно торчащим хохолком на голове, он стоял передо мной как напуганный ребенок.

— Вот, знаете, разучиваю роль из пьесы... пока еще ненаписанной...

— Из пьесы еще ненаписанной? Как это? И зачем?

Михаил Иванович сконфуженно улыбнулся:

— Видите ли... это не то, чтобы так, но близко к тому... Рылся сегодня я в ящиках, наткнулся на эти вот снасти, повертел, поглядел, разложил вот и молодость вспомнил...

Он сунул руки в широкие, глубокие карманы толстовки, привычно склонил голову на бок и мечтательно вскинул глаза.

— Я ведь рыбак... презаядлый рыбак был. А у них, рыбаков, каждый пескарь на счету, каждая сорожка что-то да весит, ну, а если головль или язь — на пуд, непременно... А главное — память о вылавливании рыбы, воспоминания, удивительно это приятно... Ну, вот, конечно, и я не стерпел, вспомнил, захотел пережить это заново.

Он сел на стул, посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

— И вот тут-то, вместо рыбы, подсек я себя... А что, если, мол, роль подвернется такая — рыбака, старикашку сыграть — сумею ли я передать это, — эту естественность — и переживаний, и движений, и выражения лица? А, сумею ли? А ведь естественность передачи — главная задача актера. И приходит она, эта естественность, как-то однажды, и так ясно, так живо, как никогда. И вот, если это не повторить, не засечь в себе, не вобрать в себя, — оно уйдет безвозвратно. И вот это-то — неповторимое — надо хватать на лету, тут же, при любых условиях, где бы ты не был...

Необычайно хороши у него глаза — простые, добрые, они как-то светятся, как-то ласкают, они удивительно молодят его внешность и всегда в них сквозит любознательность, вдумчивость, хорошая человеческая теплота и большое, неистребимое жизнелюбие. Но особенно выразительными, неповторимо оригинальными они бывают у него во время игры его на сцене. Испуг или покорность, холопство или хамство, веселье или издевательство — все это они передают настолько естественно, настолько правдиво, что кроме лица, кроме глаз этого человека ничего не видно.

Иногда эта игра бывает настолько потрясающей, что не только персонаж, которого он исполняет, вызывает

отвращение, но и самого Михаила Ивановича как-то не хочется видеть. Подобное ощущение я испытывал от исполнения им роли Кутайсова в оперетте «Холопка». Злой и ничтожный фаворит Павла Первого, мерзкий пошляк и самодур, гадкий, невежественный ханжа, потерявший всякие признаки человеческой морали, произвел на меня столь плохое впечатление, что меня буквально пробирал озноб от ненависти и негодования. И я, без особого желания, пошел вместе с товарищами за кулисы с визитом поздравления — я знал, что Михаил Иванович еще в costume, парике и гриме Кутайсова, а этого-то и не хотелось видеть. Но каково же было мое удивление, когда я увидел уже не графа Кутайсова и даже не актера, не исполнителя — хотя он был именно во всем том, в чем выходил на сцену, — я увидел все того же Михаила Ивановича — маленького, худенького, с чуть склоненной, по привычке, на бок головой. Он смотрел в лицо одному рабочему, сормовичу, у которого в больнице, в тяжелом состоянии находился сын, и участливо спрашивал его:

— Ну и как, легче вашему сыну? Нет?

— Да не с тем я пришел к вам, Михаил Иванович... Руку-то, руку-то дайте, — поздравляю. С успехом с небывалым успехом...

— Нет, ты погоди, погоди, — морщась и отмахиваясь, продолжал Михаил Иванович. — Ты сказал мне — хуже? Нет?

И сколько участия, сколько человечности было и в словах его и особенно в этом, присущем только Михаилу Ивановичу взгляде. И ничто — ни грим, ни парик, ни куцый камзол и панталоны графа Кутайсова — ничто не могло скрыть в этом человеке того простого, скромного, чуткого и отзывчивого товарища.

Энергичный, подвижной, он не пропускает во время репетиции ни одного движения, в танцах — ни одного такта, повторит это раз, другой, задыхающийся и усталый отойдет чуть в сторону — но чуть только заметит чей-нибудь рассеянный взгляд, какую-нибудь складку грусти или просто задумчивость на лице одного из своих товарищей, тут же подойдет и ободряюще скажет:

— Ты чего это? Или опять неполадки в семье? Ну, ничего, ничего! Мало ли что в жизни бывает, пройдет! Давайте-ка — раз, два, три... Раз, два, три...

Шаг, другой, окладка на лице у человека, чем-то обиженного, постепенно спадает, глаза веселеют, вспыхивают — и Михаил Иванович, улыбаясь, говорит:

— Вот... так... так!

И вот, мы отмечаем 60-летие артиста Зорина.

Мастер сцены, коммунист Михаил Иванович Зорин исполняет ведущие роли в Горьковском театре комедии.

Многие знают о том, как добросовестно он относился к своему партийному долгу, будучи избран секретарем парторганизации театра, все знают о его самобытности, о хорошем и сочном юморе, о яркости и обаятельности его актерского дарования. Но не все, конечно, знают его как замечательного человека и товарища.

И. ДЕНИСОВ.